

Борис Пейгин родился в 1988 г. в г. Северске Томской области. Литературой начал заниматься в старшей школе. Печатался с 2004 г., первая публикация - в детской литературной газете "Штудия" (г. Томск). В 2009 г. вышел сборник рассказов "Чужие одиночества". Финалист конкурса "Король томской поэзии", входил в шорт-лист премии "Дебют" (2010 г.) за рассказ "Жизнь Сергея Ипсиланти". Член Союза писателей России с 2015г..

Борис Пейгин
г. Томск

Сильнее мира всего *(отрывок)*

...Шпиль колокольни Фельзенкирхе, небольшой церкви на вершине источенной морем скалы, отчетливо виднелся сквозь пелену густого утреннего тумана, окутавшего бухту и городок у её берегов. Первые лучи солнца показались из-за песчаных дюн на востоке, и ночной бриз прекратился; налитанный прохладой и влагой воздух висел неподвижно, что было здесь большой редкостью. Людериц ещё спал, и звуки природы не заглушались звуками города, как будто последнего и вовсе не было. Волны разбивались о берег, на островах бухты кричали пингвины, фламинго и какие-то ещё птицы, и меж их криков слышались резкие, трескучие возгласы морских котиков.

Человек, именуемый Клаус, стоял на каменистом берегу, у самой полосы прибоя, и пена с гребней накатывавших волн выплескивалась к его ногам. В одной руке он держал початую бутылку вина, между зубами – зажженную сигарету, и серые крошки пепла оседали в

седой бороде. Он не смотрел ни вдаль, потому как в ней ничего нельзя было разглядеть, ни под ноги, потому как там не было ничего интересного. Похожий на нахохлившегося буревестника, он стоял, плотно закутавшись в плащ, стоял почти неподвижно, как будто в трепетном ожидании чего-то, стоял долго; потом выплюнул окурок, отхлебнул из бутылки, и покачивающейся, нетвердой походкой побрел по направлению к набережной.

На Диасштрассе, что шла вдоль берега, не было асфальта, как его не было на большинстве городских улиц, но в нем не было и нужды, потому что там, где никогда не бывает дождей, не бывает и грязи. Разве что шаги по плотно укатанному грунту выходили не такими звонкими, но Клауса это едва ли смущало. Вдоль развалин старого порта, оставив за спиной Алмазный холм, он медленно шел в сторону центра города. Быстрее, чем всходило Солнце, рассеивался туман, оставляя после себя обильную росу да легкую дымку в сизых рассветных сумерках, и город малопомалу открывал свои очертания.

Зажатый в глубине бухты, между холодным океаном и голой пустыней, на диком, безжизненном, безлюдном берегу, Людериц совсем не был похож ни на остальную Намибию, ни вообще на Африку. Архитектура центра городка осталась от колониальных времен, и больше напоминала Германию, словно следуя за ветренным, сухим и всегда прохладным климатом места. Это был осколок старой Пруссии на противоположном конце Земли – выстроенные стена к стене дома и особнячки с башенками, фронтонами и эркерами на первых этажах вдоль десятка улиц, на которых, казалось, застыло время. Сотворенный в одночасье алмазной лихорадкой, город был так же моментально оставлен ей, превратившись в местный центр рыболовства, а порт, некогда крупнейший на юго-западе континента, теперь обслуживал разве что близлежащие цинковые рудники. Людериц не был похож ни на Виндхук,

скучноватый и сонный, ни на Свакопмунд, всегда заполненный отдыхающими; не будучи Африкой на лицо, он весь был ею по духу, и африканская неспешность в словах, в делах и вообще в течении жизни нигде не проявлялась так сильно. Даже заметная белая община, немецкая и африканерская, ничего не меняла в этом, потому что в ней почти совсем не было экспатов.

Этот-то город, не подходящий для дауншифтинга, но подходящий для изгнания, человек, именуемый Клаус, выбрал для себя, выбрал именно потому, что был изгнанником. Это было забытое Богом место, где ничто не напоминало о прежней жизни, место на краю мира, самой природой отделенное от него. Железная дорога не функционировала, и там, где рельсы ещё не демонтировали, пустынные ветры с каждым годом все сильнее заносили их песком; аэропорт принимал только местные рейсы; автобусы ходили редко. Туристы если и заезжали сюда, то лишь для того, чтобы поглазеть на развалины Колманскопа; проведя в Людерице ночь, и совершив затем экскурсию в пустыню, они также исчезали из города, и никогда не приезжали вновь. Таким образом, здесь не оказывалось людей случайных; фраза о том, что все знают друг друга в лицо, для Людерица совершенно не была преувеличением, и человека, именуемого Клаус, это устраивало.

Он не был немцем, и не был, строго говоря, Клаусом, этим именем его назвал старый подслеповатый африканер, его арендодатель, и постепенно он к этому имени привык. За последние семь лет он вообще много к чему привык: к тому, что лето бывает в январе, а зима – в июле, к тому, что дождь бывает пару раз в год, к тому, что можно много ходить пешком, к тому, что можно ложиться и вставать в любое время, и вообще спать в свое удовольствие, к тому, что можно пить больше, чем это требуется, и не перед кем не держать за это ответа, наконец, к тому, что можно жить, ничем активно не

занимаясь. Нельзя сказать, что у него совсем не было занятий, но среди них не было ни одного, достойного его прежнего: он пытался играть на бирже, оказывал кое-какие услуги депутату местного парламента по фамилии ван Мерве в бизнесе его семьи, а ещё публиковал в разных интернет-изданиях разоблачительные статьи о компании, в которой когда-то работал, и о её собственниках, но все это отнимало у него немного времени, и он коротал дни, понемногу готовя себя к старости.

...город был маленьким, центр города был ещё меньше, и человек, именуемый Клаус, даже следуя пьяным шагом, менее чем за десять минут достиг своего жилища. Он снимал небольшой одноэтажный дом на Бергштрассе, широкой дугой тянувшейся от моря, к востоку от Алмазного холма, и закрытой им от сильных ветров. Штукатурка на выкрашенном в голубой цвет фасаде, во многих местах облупилась, стекло на одном из окон было пересечено длинной, извилистой трещиной, и только личинки многочисленных врезных замков на входной двери блестели, как новые: хотя Намибия и считалась по африканским меркам спокойной страной, для белого человека разумнее было не экономить на своей безопасности.

Внутри было холодно, ещё холоднее, чем на улице, но гораздо суше – кирпичные стены хорошо спасали от всегдашней утренней сырости. Не включая света, человек, именуемый Клаус, разулся, снял плащ, зашел в комнату, и в этот момент каким-то шестым чувством ощутил, что находится в ней не один – ощутил прежде, чем заметил два серых силуэта на фоне окна. Помимо памятного ещё со школы немецкого, он владел английским, а за последние шесть лет выучился сносно изъясняться на африканс, но то же шестое чувство подсказало ему, на каком языке следует обратиться к непрошеным гостям, как подсказало и то, зачем они явились.

- Господа, мне кажется, я достаточно далеко от вас уехал. Так что потрудитесь объяснить, зачем вы здесь, или я вызову полицию, - он в этот момент ещё совершенно не ощущал страха, и это наполняло его голос металлическими нотками.

- Мы к Вам по делу, - ответил ему один из силуэтов, как и ожидалось, по-русски; этот голос Вельтману был незнаком, или же слишком хорошо забылся за долгое время.

- Коля, вруби свет, у тебя тут и так холодно, так и темно ещё, - вмешался в разговор второй силуэт, и вот его голос Николай Маркович узнал сразу: это был Сашок.

Вельтман щелкнул выключателем; комната начала медленно наполняться холодным голубым светом.

- Бухаешь, да? – Сашок покосился на батарею пустых бутылок, аккуратно выстроенных вдоль стены, и криво ухмыльнулся. Внешне он сильно повзрослел, и, не узнай его Вельтман по голосу, не узнал бы и на лицо; одет он был как всегда дорого, но не вызывающе, даже скромно, всегдашней биты при нем тоже не было.

- Ну, а твое-то какое дело? Ты мне лучше скажи, куда биты дел, в аэропорту, что ли, отобрали? – осклабился Николай Маркович, задетый вопросом.

Сашок, впрочем, был ему неинтересен – гораздо больше его внимание занимала личность спутника. Это был высокий, наголо бритый человек с размазанной по щекам трехдневной щетиной; одет он был в добротное кремовое полупальто, вокруг шеи был небрежно повязан такого же цвета шарф. Но взгляд – с прищуром, едкий, внимательный – вовсе не давал обмануться хипстерским образом, и выдавал в незнакомце человека Мельникова. Что ж, это, по крайней мере, было объяснимо.

- Николай Маркович, сделайте нам чаю, заодно протрезвеете. Тогда и поговорим. От этого будет зависеть Ваша дальнейшая судьба, - видимо, почувствовав взгляд Вельтмана на своей спине, незнакомец повернулся к нему.

За последние десять минут произошло много странного, чтобы можно было продолжать удивляться, и Вельтман не удивлялся; на эту пренахальную просьбу, подтвержденную кивком Сашка, он лишь вздохнул и поплелся на кухню. Уже стоя там и переливая воду из бутылки в чайник (водопроводная вода не только стоила здесь космических денег, но и для питья была непригодна), он перебирал в памяти события прошедших семи лет: первая прожитая им жизнь была слишком долгой, чтобы всю её вспоминать, но на вторую, пожалуй, стоило ещё разок взглянуть напоследок.

Вельтман, в сущности, не скрывался; не заявляя о себе и не афишируя своей личности, он также и не делал из нее тайны. Он не сразу оказался в Намибии: поначалу он уехал в Израиль, где получил гражданство, и только через год перебрался в Африку, так как на Святой Земле не чувствовал себя достаточно спокойно. В Людерице же он жил уединенно, кроме пивной, супермаркета, парикмахерской и почты, никуда не ходил, из города выезжал редко, из страны – ещё реже, считанные разы за всё время, и в основном в ЮАР.

Но и в Африке ему трижды пришлось контактировать с людьми компании, причем ни разу Николай Маркович не был инициатором этих встреч. Сначала, ещё в 2010-м году, его разыскал старик Водолеев, видимо, использовав свои связи в посольстве. Будучи по каким-то делам в стране, он приехал в Людериц и заявился к Вельтману в гости. За кружкой пива отставной дипломат жаловался на самовластие и жадность первого лица, брюзжал в адрес Камаева, и, особенно, Фокина, и при этом советовал Николаю Марковичу прекратить заниматься журналистикой, так как президент эти статьи внимательно читает, и не стоит лишний раз его злить. Вельтман обещал подумать над советом, и на том они расстались.

Две других встречи произошли уже в ЮАР. Год спустя после визита Водолеева, Вельтман ездил в Кейптаун

по поручению брата ванМерве к одному из его партнеров, и в доме последнего обнаружил Быкову, которая, как выяснилось, жила вместе с сыном неподалеку. Психическое расстройство, видимо, не вполне её оставило (что можно было понять по одному выбору места жительства), и никакого конструктивного разговора не вышло. Другая встреча, куда более важная, имела место в Дурбане в конце марта 2013-го года, где в то время проходил V саммит БРИКС. Вельтман сумел раздобыть журналистскую аккредитацию, и присутствовал официально как корреспондент DieAllgemeineZeitung, истинной же целью поездки были неформальные (и негласные) переговоры с ещё одними контрагентами ванМерве-младшего (на этот раз бразильцами). Больше всего Николай Маркович боялся повстречать в составе российской бизнес-делегации Фокина или президента, но ни тот, ни другой в Дурбан не приехали. Вместо них приехал Камаев, и Вельтмана он нашел сам. Разговор между ними состоялся короткий и недружелюбный; финансовый директор недвусмысленно намекнул на неудовольствие президента, и пригрозил печальными последствиями, если Николай Маркович не раскается в содеянном и писать свои статьи не прекратит. В отличие от почтенного Водолеева и болезной Быковой, с этим Вельтман церемониться не стал, и просто послал по неприличному адресу вместе с угрозами, и наказал передать то же самое президенту. Писать он, однако же, и вправду прекратил, главным образом потому, что все материалы, какие можно было опубликовать, у него кончились, но теперь это было уже неважно, как неважно было и то, почему они так долго ждали, и то, почему не побоялись отрядить Сашка на мокрое дело, и то, почему послали его на кухню, а не прикончили сразу. Последнее было даже неплохо – будет шанс сострить напоследок.

Глядя на закипающую в чайнике воду, Вельтман думал о том, что никогда не был трусом, но умирать (а в

целях своих визитеров он не сомневался) ему все-таки страшно. Он боялся не боли – вряд ли его станут мучить – это был иррациональный, животный страх. И очень обидно было, что Кавелина ничего не узнает, если только идея послать этих господ сюда не принадлежала ей. Придя в голову, эта мысль испугала Николая Марковича сильнее, чем его предполагаемая участь, но здравый смысл говорил, что эта мысль вовсе не безумна. Софья Александровна – рационалист до мозга костей, и она всегда верно служила компании. Если Вельтман представлял для компании проблему, то нет Вельтмана – нет и проблем. В прежние времена она, конечно, не была сторонницей подобных крайних методов, но кто знает, что в ней могло измениться за семь лет!

А он... А он по-прежнему её любил. Алкоголь многое заглушил в его голове, но только не её образ; никогда, ни у кого за все это время он не расспрашивал о ней, и не говорил, и все же перестать думать о ней не мог. Жаль, если это и вправду её идея, но, неважно, неважно, важно, что он следом за ней влез в эту историю, и так и не пожалел об этом. Если ему суждено умереть, что ж, он умрет с её именем на устах.

И не понесет он им никакого чая. Нашли официанта.

Этот пафос окончательно его протрезвил. Он залил кипятком заварник, вытащил из шкафа две больших кружки, и, оставив всё это на кухонном столе, с пустыми руками отправился в комнату.

Гости сидели на диване молча; увидев Вельтмана, Сашок повернулся к нему первым:

- Коля, а чай-то где?

- Чай в заварнике, кипяток и чашки рядом, на кухне.

Давайте, делайте то, зачем пришли, почаёвничаете сами.

Лысый лишь пожал плечами, и, не вставая с дивана, принялся расстегивать пальто. Вельтман зажмурился, понимая, что никакого «Соня!» произнести не сможет. Инстинктивно он попятился назад, на третьем шагу

наткнулся на холодную стену, и это было спасением, потому что хуже всего было бы побежать.

Первый раз в его жизни голова была абсолютно пуста, и никаких мыслей в ней не было; где-то в глубине сознания сами собой считались бесконечно долгие секунды – одна, две, три, четыре...

На восемнадцатой секунде Вельтман открыл глаза. Все в комнате было по-прежнему: крашенные стены, дощатый пол, минимум мебели, газеты на журнальном столе, множество бутылок под ним. Все так же сидел на диване Сашок, и рядом с ним – лысый. В руке у него был смартфон, и никакого внимания на Николая Марковича он не обращал. Зато на него обратил внимание Сашок – два-три мгновения глядел молча, а потом зашелся приступом страшного, гомерического хохота:

- Ха-ха-ха! Не, ты прикинь, Димон, он думает, мы его грохнуть хотим! Не, ха-ха-ха, ну в натуре! Не, я не могу! Ты смотри! Ха-ха-ха!

Лысый, оказавшийся Димоном, лишь покосился в сторону ничего не понимающего Вельтмана, и, криво, официозно ухмыльнувшись, произнес:

- Николай Маркович, если бы мы хотели Вас убить, уже убили бы гораздо раньше, - и снова уставился в телефон.

Только теперь Вельтман понял, что давешние слова «Мы к вам по делу» не были пустой болтовней. Он не мог бы сказать, какие чувства в тот момент испытывал, потому что не испытывал никаких – он просто стоял в оцепенении, навалившись на стену, и смотрел в пол до тех пор, пока Сашок его не окликнул:

- Коля, не, ну ты что, в натуре? Ты вон на себя глянь!

Вельтман, все ещё туго соображавший, повернулся к стене справа от него, где висело небольшое зеркало, и сделал несколько шагов по направлению к нему. Себя он

не узнал: там находился кто-то осунувшийся, отекавший, с мертвенно бледным лицом, всклокоченными волосами и седой бородой, к тому же незнакомца из отражения сильно трясло.

- Садитесь, Николай Маркович, нужно поговорить, - донесся из-за спины голос Димона.

И Вельтман сел прямо на холодный пол. Глаза его закрывались сами собой, волосы прилипли к взмокшему лбу, горло от внезапного приступа жажды ссохлось и сжалось так, что даже говорить он не мог и поэтому только кивнул.

- ... Эээ, Дим, - голос Сашка доносился откуда-то из небытия, - да он, по ходу, вырубился.

- Да, похоже.

- Слушай, да ну его на х.., пусть проспится, а то... - дальнейшее Вельтман уже не слышал. Вернувшееся опьянение и пережитый ужас быстро погрузили его в глубокий, нездоровый сон.

Солнце, блестящее, как надраенный пятак, медленно катилось по безоблачному небу; светило, но почти не грело – и в этом намибийская зима не сильно отличалась от российской. Николай Маркович и сам удивлялся тому, как ни разу не обратил на это внимания, но все чувства в его похмельной голове обострились, и иначе быть просто не могло.

Они сидели за одним из уличных столиков возле кафе на Банхофштрассе, и ожидали каждый своего заказа: Сашок и его спутник попросили себе пива и жареных колбасок, Вельтман же намеревался к ним присоединиться, но, подумав, ограничился чашкой эспрессо – с алкоголем пока стоило повременить. Сидели они молча, за другими столами никого не было, машины проезжали редко, и ветер не доносил шума прибоя, а потому тишина получалась особенно тяжелой и гнетущей, словно требовавшей усилий, чтобы себя прервать. Субординация требовала,

чтобы разговор начал Сашок, но он долго собирался с мыслями и успел утомить Вельтмана ожиданием, прежде чем, наконец, изрек:

- Коля, мы на тебя зла не держим, - говорил он неестественно-серьезно, и в голосе угадывались отцовские интонации, - и ты на нас не держи. Забудь про Камаева, его уже наказали.

- Да плевал я на Камаева. Вам-то я зачем?

- Напрасно ты так. Мы тебя ценим. Здесь есть, куда вложиться, нам нужен выход и на рынки, и на ресурсы. Камни – вещь такая... Интересная. А у тебя здесь хорошие связи, даже в политике...

Последняя реплика Вельтмана не порадовала. Если речь пошла про камни, значит, Фокин со своими идеями чеболлизации по-прежнему правит бал, и президент его слушает. Отсюда следовал вывод – ничего в этом мире не меняется. Идея, очерченная Сашком, была дурацкой по своей сути, но откровенно хамить Николай Маркович не хотел, и потому попытался изъясниться иносказательно, надеясь, что Сашок поймет.

- Саша, на чужой каравай рта не разевай.

Но Сашок не понял. По холеному лицу пробежала тень.

- Это ты о чем?

- Если твой папаня хочет, чтобы я помог ему развязать войну с «Де Бирсом», то это последнее, что я буду делать.

- Ну это же я как вариант, - интонация резко переменялась, и громкий голос сжался почти что в лепет, - это я так, между прочим. Мне брюлики всегда нравились, думал, ты оценишь.

- Мне-то не ври. Ты сам, Саня, договор от справки не отличишь, такие идеи в твоей голове не рождаются. Ну-ка, колись, кто подсказал. Фокин?

Тут Сашок ступешался окончательно, поник головой, опустил очи долу, и замолчал. Вельтман, конечно,

не собирался, обижать его, но коль скоро от него, Вельтмана, чего-то хотят, следовало выяснить, кто и зачем, и он это выяснил. Тем временем в разговор снова вмешался лысый:

- Николай Маркович, президент просил передать Вам, что готов Вас простить и вновь принять на работу и на прежнюю должность при выполнении Вами определенных условий.

- Каких же именно? – Вельтман, конечно, и не думал в тот момент соглашаться, и спрашивал более из интереса.

- Во-первых, Вы должны прекратить Ваши разоблачения, и дать обещание впредь не заниматься подобным. Во-вторых, Вы должны будете отдать нам либо уничтожить, при нас, разумеется, все носители с инсайдерской информацией, которыми Вы располагаете. В-третьих, Вам будет необходимо в личном разговоре с Леонидом Алексеевичем признать свою неправоту...

- Чтобы он меня застрелил прямо у себя в кабинете? – Вельтман щелкнул зажигалкой, но высек только искры.

- Я уже говорил. Хотел бы Вас убить – уже давно убил бы.

- Ах, ну да, да. А в-четвертых что? – борьба за огонь, наконец, увенчалась для Николая Марковича успехом. Драконовские антитабачные меры до Намибии ещё не добрались, и курить за столом он мог в своё удовольствие.

- А в-четвертых, если Вы будете вновь приняты на работу в компанию, кто-то из сотрудников юридической службы должен быть уволен, ну а кто именно – договаривайтесь сами.

- Искупительная жертва?

- Нет, но в настоящее время компания старается не наращивать штат понапрасну, - лысый говорил все тем же монотонным, как робот, голосом, - а Ваше увольнение произошло только по Вашей вине.

- Я вообще думаю, - добавил Сашок, - что за экономией будущее. Санкции ввели, ставки оху...шие, если не будем экономить, вообще загнемся.

- Еда и Саул во пророцех! – сквозь струю дыма Вельтман наблюдал за удивленной физиономией Сашка с удовольствием, заглушавшим даже головную боль. Однако испытующий взгляд собеседника, который он ловил на себе, словно бы настаивал на серьезном тоне разговора:

- Ну, так все-таки, Вы согласны?

- Хм... А знаешь, в чем проблема? Я ему нужен, а он мне – нет.

- Ошибаешься, Коля, - снова подал голос Сашок, - вот как раз папе ты и не нужен.

Николая Марковича вся эта демагогия уже начинала раздражать, и он решил прибавить оборотов:

- В таком случае, на кой хрен вы сюда припёрлись? Камни? Саня, ну ты меня-то не смей!

Вместо Сашка, однако, ответил его спутник:

- Вы меня извините, Николай Маркович, но здесь речь идет об интересах всей компании, и необходимость в Вас объективная. Не в алмазах дело, это так, к слову. Потом, президент простил Вас не по своему почину, его за Вас просили.

- И кто же? – Вельтман потушил сигарету и внимательно уставился на лысого. Какое бы имя тот не назвал, это звучало бы странно; память людская на добрые дела коротка, и он-то это знал лучше прочих.

- Софья Александровна, Кавелина, - все так же бесстрастно ответил Димон, - на одном из последних заседаний Правления она особо отметила Вашу роль в становлении компании и её последующем развитии, равно как и то, что в некоторых случаях без Вас не обойтись.

Вельтман выдохнул, да так и не смог вдохнуть; откинувшись на спинку стула, он обмяк, как сдувшийся шар; ещё несколько часов назад он подозревал женщину, которую он любил, и которая решила вытащить его отсюда

с намерением его убить, и от того непередаваемое, ужасное чувство стыда завладело им, сдавило грудь, перехватило дыхание. Это продолжалось долго, может быть, полминуты, а потом Сашок закричал куда-то в сторону входа в кафе:

- Э, бл..., ну вы что там, х...й дро...ите? Что так долго?

За этот-то зычный голос, как за спасательный круг, Николай Маркович ухватился, выйдя из оцепенения:

- Это Африка, господа. Привыкайте.

Привыкать им пришлось ещё не менее четверти часа, прежде чем Сашок, наконец, констатировал – с пеной на губах и каплями на подбородке:

- А пиво у них ничего, кстати.

Это Вельтман хорошо знал и сам, и на принесенные кружки взирал с таким нескрываемым вожделением, что сын президента сочувственно произнес:

- Ты, в натуре, завязывай бухать, - он достал из барсетки широкий блистер с какими-то таблетками, - печень-то одна. Вот, выпей.

- Синяя таблетка? – ухмыльнулся Вельтман. - Или красная?

Но Сашок опять его разочаровал:

- Да нет, вроде зеленая. А, хрен его знает, но с бодуна снимает только так. Папке всегда помогает.

Вельтман взял блистер, и, не разглядывая, засунул его в нагрудный карман.

- Ну так что, Коля? – Сашок снова отхлебнул пива. - Собирайся, да?

По интонации вопроса Вельтман понял, что перед ним раскрыты все карты, какие имелись, поэтому выпытывать у этого чудо-богатыря что-то ещё бесполезно. Тем более бесполезно что-то выпытывать у лысого Димона, который к тому времени уже утратил всякий интерес к Николаю Марковичу, и опять уткнулся в смартфон.

Требовалось принять решение, и Вельтман ещё некоторое время делал вид, что взвешивает все «за» и «против», хотя, в сущности, уже не раздумывал. Да и не мог он раздумывать: он обещал ей прийти, если понадобится, и вот, этот день, столь долго им ожидаемый, настал.

- Знаете, господа, что сказал Герцен перед смертью? Он сказал: отчего бы не ехать нам в Россию?

На другой день Сашок и его спутник отправились автобусом в Уолфиш-Бей, а Вельтман – самолетом – в Виндхук, и оттуда ночным рейсом вылетел во Франкфурт. Уже сидя в самолете, он подумал, что одно из преимуществ израильского (да и любого западного) паспорта состоит в его способности открывать очень многие границы, и ему, Вельтману, не пришлось тратить время на визовые формальности.

Он уже давно не предпринимал столь длительных путешествий. Узкое, неудобное кресло терзало его снаружи, волнение – изнутри, и заснуть он не смог, а потому все десять часов провел в одинаково бесплодных попытках читать под светом индивидуальной лампы, нестерпимо ярким в затемненном салоне, или же что-то разглядеть в черноте иллюминатора. Первые лучи рассвета, пойманные усталыми глазами, возвещали о скорой посадке, и казались спасением.

Огромный Рейн-Майнский аэропорт встречал его непривычным после тишины Людерица шумом и столь же непривычным множеством лиц. Каждое мгновение приносило с собой необходимость оборачиваться, прислушиваться, маневрировать в людском потоке. Даже в поезде-шаттле, везшем его между терминалами, приходилось держать себя в тонусе, чтобы ненароком не расслабиться, и не упасть на плечо соседа.

Потом были пять бесконечных часов в трансферной зоне в ожидании посадки на московский рейс. Ему очень

хотелось курить и ещё сильнее хотелось выпить, и кофе, безумно дорогой и невкусный, не помогал бороться с усталостью. Окончательно вымотанный, Николай Маркович уже начал подумывать, не сдать ли ему билет и не отправиться ли в отель, когда заметил в толпе, идущей со стороны паспортного контроля, знакомое – как ему показалось – лицо. Скорее чтобы чем-то себя занять, чем из подлинного интереса, он взгляделся внимательнее, и понял – не ошибся.

...высокая, одного роста с ним, женщина, худая и несколько сутулая, с небольшой грудью, угловатыми плечами и узкими бедрами. Каштановые волосы собраны в тугий хвост. Стекла очков бликуют в отблесках неоновых ламп. Вельтман не мог разглядеть её лица, но это было и не нужно. Он узнал её. Узнал ту, которую так часто представлял наяву и так редко видел во сне, ту, которую так мечтал и которую уже не чаялся увидеть. Ту, ради которой он всем пожертвовал. Ту, которую он любил.

Он вскочил с кресла, резко, высоко подпрыгнув, как будто и не было никакой усталости, и этим привлек к себе внимание – один изящный поворот головы. Она не окликнула, не побежала вприпрыжку, но направилась к нему – широким, быстрым даже для неё шагом. Вельтман так и стоял, как молнией пораженный, не двигаясь и почти не дыша, и не заметил, как она оказалась рядом, вплотную к нему – ближе, чем когда бы то ни было, ближе любой границы личного пространства, любой зоны комфорта.

Не говоря ни слова, она обхватила холодными ладонями его щеки, крепко сжала пульсирующие виски кончиками длинных пальцев, и прислонилась к его губам своими – такими же сухими, шершавыми и очень горячими. Это был странный поцелуй – ни к чему не обязывающий, но совсем не дружеский. Это был долгий поцелуй, и голос диктора успел начать объявление, и закончить его. Это был, возможно, вовсе не поцелуй – они стояли, сомкнувшись губами, не решаясь сделать более ни

одного движения, и обжигали друг друга дыханием. Она первой нарушила молчание:

- Я очень виновата перед тобой. Прости меня.

Он ничего не ответил, да и не мог ничего ответить, а только кивнул, слабо, едва заметно; он наслаждался её близостью, слушал её голос, и ему было почти все равно, что именно этот голос говорит.

- Что я могу для тебя сделать?

Впервые за очень, очень, очень много лет Вельтман не стал искать в словах никакого двойного дна и скрытого смысла, и в ответ попросил то, чего действительно больше всего хотел:

- Распусти волосы.

Она, кажется, совсем не удивилась этой просьбе. Резким и быстрым движением она отвела руку за затылок, и густые, жесткие волосы рассыпались по покатым плечам.

Только теперь Николай Маркович попытался разглядеть её получше, понять, что же изменилось в ней за эти годы. Не изменилось почти ничего. Только морщинки на лбу стали глубже. Только серебра в волосах стало больше. Только глаза выцвели, и из светло-голубых стали почти стальными.

Больная, измотанная похмельем и перелетом, голова лихорадочно пыталась сообразить, является ли их встреча случайной, или она подгадала так, чтобы попасть с ним на один рейс, и, если да, то каким образом. Эти мысли Вельтман, как назойливых мух, пытался отогнать прочь, уверяя себя, что ему совершенно всё равно, почему именно они встретились. И это было чистой правдой.

Кавелина же, видя его смятение, не пыталась ему мешать, и стояла молча, отведя взгляд в сторону. Лишь минуту, или, может быть, две спустя она предложила выпить кофе (до посадки оставалось ещё полчаса), и, не спрашивая его согласия, под руку повела к кафетерии. Он, конечно, позволил себя повести – ни сил, ни желания сопротивляться её воле у него не было...